

– 22 лица обвинялось в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ (7 лиц), ч. 1 ст. 286 УК РФ (4 лица), ч. 1 ст. 2853 УК РФ (1 лицо), ч. 1 ст. 291 УК РФ (8 лиц), ч. 1 ст. 292 УК РФ (1 лицо), ч. 2 ст. 292 УК РФ (1 лицо)¹.

Указанные вопросы правоприменительной практики также стали темой обсуждения на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, состоявшейся в декабре 2020 г. Отмечалось, что установлены многочисленные факты использования института судебного штрафа без соблюдения необходимых нормативных требований. Речь идет о неполноте расследования, заниженной квалификации деяний, непризнании подозреваемыми и обвиняемыми своей

вины, частичном возмещении причиненного ущерба².

Результатом реализации прокурорами на местах мер, определенных в решении указанной коллегии, стало сокращение количества уголовных дел, прекращенных с назначением судебного штрафа. В 2021 г. в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прекращено 33112 уголовных дел, в 2022 г. – 18090 дел³.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, несмотря на достаточное регулирование нормами как уголовного, так и уголовно-процессуального закона, институт судебного штрафа по-прежнему нуждается в усовершенствовании.

Якушев Э.В.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Галимов Э.Э.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 244 УК РФ

Достойное отношение к телу человека после его смерти, память об умерших являются непреложными устоями похоронной культуры, уровень почитания которой в последнее время резко упал. Свидетельством тому являются не только участвовавшие факты обнаружения расчлененных трупов, следов глумления над ними, использования тел умерших в противоправных целях, но и кошмарная обстановка на российских кладбищах. Поэтому вопросы уголовно-правовой охраны не перестают быть актуальными и, к сожалению, являются малоисследованными. В частности, является проблематичной уголовно-правовая оценка предмета такого преступления, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ)⁴.

В качестве предмета первого из числа преступных деяний, предусмотренных в указанной статье уголовного закона, выступают тела умерших. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель закрепил предмет данного преступного посягательства во множественном числе. Буквально это означает, что состав преступления может иметь место, если виновный совершил надругательство над телами как минимум двух умерших человек. В действительности смысл данной уголовно-правовой нормы, конечно, иной, и для уяснения его следует прибегнуть к приему расширительного толкования. Состав данного преступления налицо независимо от того, надругался виновный над телом одного умершего человека либо

¹ Справка Верховного суда Республики Крым по результатам изучения практики применения судами ст. 76² Уголовного кодекса Российской Федерации в 2021 г. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211.

² В Генпрокуратуре России прошла коллегия по вопросам состояния законности при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры в виде судебного штрафа. 18.12.2020. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=57130754>.

³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>.

⁴ Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 5.

подобное деяние совершено в отношении тел нескольких умерших. Впрочем, это не устраняет обязанности законодателя привести в данном случае язык уголовного закона в соответствие со смыслом последнего.

В самом общем смысле под телом умершего следует понимать тело человека после его смерти (труп). В целях квалификации преступления, очевидно, требуется более глубокое уяснение содержания данного признака состава, что предполагает ответы как минимум на два вопроса – кого считать умершим, а также что понимать под телом умершего. Если ответ на первый вопрос в определенной мере очевиден, поскольку нормативно определен, то второй вопрос оказался практически не исследованным в теории уголовного права¹.

Умершим следует считать человека, у которого наступила биологическая смерть (смерть мозга). В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения и социального развития.

Если же головной мозг продолжает жизнедеятельность, хотя и при отсутствии дыхания и остановке сердечной деятельности, нарастающем кислородном голодании других органов и тканей (клиническая смерть), человек остается субъектом права на жизнь.

Таким образом, лицо, которое находится в состоянии клинической смерти или ином бессознательном состоянии (сон, глубокая степень опьянения и т.п.), с юридической точки зрения умершим признаваться не может. Соответственно, надругательство над таким потерпевшим в зависимости от характера преступных действий должно квалифицироваться как преступление против личности (ст. 105, 111, 112 УК РФ и др.).

Проблематичным является вопрос об отнесении к умершим трупов мертворожденных детей, выкидышей и зародышей, извлеченных из чрева матери, смерть которых наступила до их полного изгнания или извлечения из организма матери.

Действительно, тезис «умереть может только живущий» неоспорим как с юридической, так и с философской точки зрения. Поэтому очертить понятие умершего можно только посредством уяснения антонима – живущий. Однако в этом и состоит главная проблема, до сих пор не получившая однозначного решения не только в праве².

Р.Д. Шарапов, глубоко исследовавший проблему юридической периодизации жизни человека и пришедший к выводу о различии в понятиях «начало и конец жизни человека», «момент возникновения и прекращения права человека на жизнь» и «начало и конец уголовно-правовой охраны жизни человека», полагает, что поскольку с юридической точки зрения жизнь человека есть жизнь его мозга (ибо жизнь прекращается со смертью мозга), то начало жизни мозга означает начало жизни человека. Следовательно, с позиции действующего права «начальная граница жизни человека на сегодняшний день как минимум должна связываться с появлением оформившейся массы мозговых клеток (рождением головного мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит еще в материнской утробе, задолго до рождения самого ребенка (к пятому месяцу беременности)».

Получается, что мертворожденным младенцам, а также абортированным плодам, достигшим полных двадцати двух недель внутриутробного развития, нельзя отказать в статусе «умерших», так как их жизнь была начата, хотя и в материнской утробе. Напротив, зародыши в возрасте до двадцати двух недель внутриутробного развития, смерть которых наступила в материнской утробе, умершими признаваться не могут, поскольку, опять же с юридической точки зрения, жизнь их мозга не началась.

Между тем признать вопрос решенным нельзя. Российский законодатель оказался

¹ Исмагилов Р.А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1(15)/2014. С. 55-59.

² Латыпов В.С. Основополагающие начала применения специальных знаний в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1(71). С. 56-62.

весьма непоследовательным в вопросе юридической периодизации жизни человека, породив правовой парадокс, когда право на нематериальное благо (жизнь) и его охрана возникают у человека значительно позже появления самого этого блага (жизни). Дело в том, что право на жизнь официально не признается за человеком в период внутриутробного его существования (даже в возрасте более двадцати двух недель), хотя фактически жизнь его начата.

Согласно ч. 2 ст. 17 и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, право на жизнь принадлежит каждому от рождения, а в соответствии с ч. 2 ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. В гражданском праве этот момент связывают с медицинскими критериями живорождения человека, которые констатируются после полного рождения ребенка (появления его на свет в целом)¹.

Еще более отдален от действительного начала жизни человека момент начала ее уголовно-правовой охраны. В доктрине отечественного уголовного права, согласно господствующему взгляду, начало уголовно-правовой охраны жизни человека связывается с моментом появления вне утробы матери какой-либо части тела изгоняемого (извлекаемого) ребенка. Соответственно, умерщвление плода в утробе матери до его появления на свет, не расценивается как преступление против жизни, а считается прерыванием беременности, которое при известных условиях квалифицируется как преступление против здоровья.

Законодатель в ст. 106 УК РФ признает уголовно-правовую охрану жизни человека и вовсе с момента его новорожденности, т.е. с момента полного изгнания (извлечения) плода из материнской утробы с признаками живорождения (легочное дыхание, сердцебиение, крик, произвольные движения мускулатуры и др.). Буквально это означает, что «жизнь продукта рождения в период его изгнания из организма роженицы до полного появления на свет, не говоря уже о его утробной жизни, выпадает из-под уголовно-правовой охраны жизни человека и намеренное умерщвление ребен-

ка во время его рождения путем непосредственного воздействия на его организм не может признаваться убийством, а является прерыванием беременности, что, конечно же, нельзя признать справедливым»².

Таким образом, действующее российское законодательство не признает человеческий плод, находящийся в материнской утробе, даже на последних месяцах беременности, субъектом права на жизнь. Соответственно, уголовно-правовая охрана жизни человека не распространяется на существование такого плода. С этих позиций, мертворожденные дети, а также абортированные на последних месяцах беременности плоды не признаются жившими, а следовательно, не могут считаться и умершими по смыслу диспозиции ст. 244 УК РФ, так как жизнь их буквально прекратилась, не успев начаться.

Приходится констатировать, что вопрос о статусе мертворожденных детей в системе отношений, формирующих похоронную культуру общества, практически не исследован. С позиций общечеловеческих, исходя из этических и религиозных воззрений, нет никаких оснований исключать мертворожденных из числа объектов отношений похоронной культуры и игнорировать при обращении с их телами принцип достойного к ним отношения после смерти. Концепция христианства, осуждающая аборт и признающая началом жизни нового человеческого существа акт зачатия (оплодотворения), исходит из необходимости равной почитаемости погребального обряда как в отношении тела умершего старца, так и в отношении тельца ребенка, родившегося мертвым. Подчеркнем, речь идет о трупах человеческих существ (а на последних месяцах беременности в перинатальный период – оформившихся детей), что с нравственной точки зрения предопределяет достойное к ним отношение, несмотря на их смерть до появления на свет. Тем более что нравственные нормы похоронной культуры не содержат запрета подобного к ним отношения, в том числе возможности отправления общепринятого погребального обряда.

¹ Гражданское право: общая часть : учебник / под ред. И.А. Зенина. М., 2023. С. 39.

² Исмагилов Р.А. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны плода человека // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 95-97.

К сожалению, российское законодательство, регулирующее определенные стороны похоронной культуры, не дает внятного ответа по затронутой проблеме, является в этом плане пробельным.

В заключение уголовно-правовой характеристики предмета преступного надругательства над телами умерших, суммируя

полученные выводы относительно необходимости реконструкции данного признака состава преступления, предлагаем следующую его редакцию: «Надругательство над телом, останками или прахом умершего человека, в том числе мертворожденного в период от 22 недель беременности, ...».

Серета О.В.

Красноярский государственный аграрный университет

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Лесопромышленный комплекс (далее – ЛПК) России – один из богатейших в мире. В последние годы наблюдается резкий рост числа преступлений, посягающих на лесное богатство России. И речь не только и не столько о зарегистрированных преступлениях в анализируемой сфере. По мнению отдельных авторов, коэффициент латентности преступлений, к которым в большей мере относятся преступления рассматриваемой категории, необычайно высок и составляет 95-99%¹.

Проводя анализ сложившейся судебной практики по коррупционным преступлениям в сфере ЛПК, мы установили, что основные составы уголовно наказуемых деяний этого вида в рассматриваемой сфере квалифицируются по ст. 290 и 291 УК РФ².

Пленум Верховного суда указывает, что «при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, судам необходимо иметь в виду, что в этой статье установлена ответственность за получение взятки: а) за совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, б) за содействие должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию), в) за общее

покровительство или попустительство по службе, г) за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействие)»³.

Интересным фактом в совершении преступления по ст. 290 УК РФ в данной сфере является тот факт, что данное преступление, как правило, влечет за собой совершение другим лицом другого преступления в сфере ЛПК – незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Например, приговором Шегарского районного суда Томской области № 1-56/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 1-56/2021, гр. М. осужден по ряду преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, которые были совершены при следующих обстоятельствах. Гр. М., являясь лесничим в лесничестве Шегарского участкового лесничества урочище «Гусевское сельское», неоднократно отводил лесосеки с более качественным и деловым составом леса в отношении заинтересованных лиц. Размеры взяток составили 3000 и 15000 рублей⁴.

Пример явно показывает, что вслед за совершенным преступлением коррупционной направленности другими были совершены преступления по составу ст. 260 УК РФ – незаконная рубка, где вред, нанесенный лесному фонду страны, несоиз-

¹ Королева М.В. Состояние законности и проблемы обеспечения экологической безопасности // Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики : сборник научных трудов / редкол.: О.П. Бедный [и др.]. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 265-274.

² При подготовке данного материала изучались приговоры судов общей юрисдикции РФ и официальные данные сайта Следственного комитета России за 2020-2022 гг.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «СПС КонсультантПлюс».

⁴ Приговор Шегарского районного суда Томской области № 1-56/2021 от 21.07.2021 по делу № 1-56/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ijXGbaqecBLY/> (дата обращения: 27.02.2023).